

ЧИТАЯ
ЖУРНАЛЫ...

ЗНАМЯ

УРОКИ ИСТОРИИ

О разгроме советскими войсками Квантунской армии в Маньчжурии, что в конечном счете и принудило милитаристскую Японию к капитуляции, пока написано немного. Более или менее значительных художественных и исторических книг — единицы. Уже одно это вызывает особый интерес к повести Марии Колесниковой «Гадание на иероглифах».

В повести нет батальных сцен. Она не о боевых действиях Советской Армии на Дальнем Востоке, а о последствиях для Японии ее поражения, о политике гоминьдановских правителей Китая во главе с Чан Кайши, о двулличном, полном интриганства поведении командования американских войск, оккупировавших после капитуляции Японии ее территорию, в частности, о роли своеобразного наместника США на Японских островах — генерала Макартура.

Повесть читается с неослабевающим интересом. Написана она талантливо, человеком, знающим богатейший исторический материал, поэтому одаряющим читателя суммой малоизвестных сведений и данных. Ведется повествование от имени Веры Васильевны, прикомандированной в числе небольшой группы востоковедов к полководцу фронта, занявшего Мукден.

Вера Васильевна — полиглот, широко эрудированный человек. Она свободно владеет китайским, японским и маньчжурским языками, знает историю и культуру этих народов и государств. Читатели вместе с Верой Васильевной как бы «окунаются» не только в японский и китайский образ жизни, но и знакомятся со сложными переплетениями в политической жизни

этих стран и народов в первый послевоенный год, когда, собственно, закладывался фундамент нынешних событий на Дальнем Востоке.

Сюжет повести — события того отдаленного от нас более чем на тридцать пять лет времени, в которых участвуют не только известные исторические личности, но и созданные писательским воображением персонажи. Мы побываем в Мукдене, Чунцине, в Харбине, Токио, во многих японских городах, обстоятельно познакомимся с японской марионеткой, императором Маньчжоу-Го Пу И, которого пленили наши войска. В Токио он давал свидетельские показания Международному трибуналу, судившему японских военных преступников. После того как в 1950 году Советский Союз передал Пу И властям Китайской Народной Республики, какое-то время он пролежал в тюрьме, но вскоре был амнистирован, сотрудничал в разных ведомствах, писал мемуары.

«Был обласкан Мао Цзэдуном, по рекомендации которого Пу И избрали депутатом Всенародного народно-политического консультативного совета. Стал бывать на официальных приемах и банкетах и, говорят, не раз сидел за одним столом с Мао».

Головокружительны взлеты и падения такого исторического персонажа, как Чан Кайши:

«Сначала он втерся в доверие к Сунь Ятсену, выдавая себя за человека, преданного революции. После смерти Сунь Ятсена устроил переворот, уничтожил левогоминьдановское правительство и расправившись с коммунистами».

Мария Колесникова показывает, что в разные периоды истории Китая пышно расцветал ничем не прикрытый великодержавный шовинизм.

Ныне едва ли вызовет удивление то, что в ту пору Чан Кайши получил от США миллиард долларов на вооружение для участия гоминьдановцев в боях против Народно-освободительной армии Китая и что с одобрения госдепартамента США японцы принимали участие в операциях на стороне Чан Кайши. Тогда, в 1945 году, это открытие переводчицы вызвало невольное восклицание: «Понимаешь, что это значит?».

Прошли десятилетия, пока мир уяснил, что это значило. Но тогда, осенью 1945 года, переводчица Вера Васильевна «по-прежнему многого не понимала: почему мирной демократизации Китая не хотят ни Чан Кайши, ни Мао? Оба стараются столкнуть нас лбами с американцами». Да, тогда не все полагали, что в наше время пекинские правители Китая будут опять стараться столкнуть нас с США, Японией и Западной Европой. Повесть Марии Колесниковой показывает, что нынешняя китайская стратегия имеет давние корни.

Заключительная часть повести: Япония, точнее, Международный трибунал, судивший японских военных преступников. И здесь немало экскурсов в историю островной страны и ее народа. Для меня страницы, посвященные Стране восходящего солнца того времени, представляли особый интерес: в группе советских писателей (Симонов, Горбатов, Агапов) я провел в Японии сто дней еще до начала заседаний трибунала и во многом как бы повторял путешествие по весьма интересным, можно сказать, несравненным по природе, нравам и обычаям городам Японии.

Еще в то, теперь далекое, время от одного видного японского генерала, пахавшего землю, мы слышали: «Сейчас я, как ваш Лев Толстой, пашу землю, так как над нашими островами висят густые тучи неизвестности. Как эти тучи рассеются, мы увидим, куда нам повернуть руль». Но нам уже было ясно: американцы, оккупировавшие Японские острова, сохраняют в покое «генералов-пахарей», а когда будет нужно, укажут им на компас следования за политикой США. Это убедительно в лицах и событиях раскрывается в повести Марии Колесниковой. У власти в Японии остались те же фигуры, что готовили страну к войне; возродились дзайбацу — эти военно-промышленные комплексы, — сила, определявшая политику.

Несмотря на то, что трибунал был международным, в отличие от Нюрнбергского процесса, в Токио господствовало только англо-американское судопроизводство.

Не случайно американская Фемида всячески старалась вырвать японских военных преступников, облегчала их участь. Открытие процесса под разными предлогами оттягивалось. А когда он начался, то еле-еле плыл по волнам правосудия: потребовалось 818 судебных заседаний! Далее читаю в повести:

«Приговор оглашен... Осталось привести его в исполнение. Но не тут-то было! Макартур не захотел отдать приказ о приведении в исполнение приговора Международного военного трибунала. Не захотел — и все».

Апелляции приговоренных Макартур направил в Верховный суд США. Почему? На каком основании? Разве он выше Международного трибунала? Только негодование мировой общественности и протесты членов трибунала, представляющих другие страны, вынудили Верховный суд США приговор три-

бунала не пересматривать. И он был приведен в исполнение.

В этих заметках я осветил только некоторые стороны политических перипетий того времени, показанных в повести. На этих страницах виден дар автора как памфлетиста и аналитика. В повести-то живут и действуют десятки различных персонажей со своими речевыми особенностями и судьбами, порой трагическими, как, к примеру, Ирина Котова и Клавдия Зозулина. Запомнится образ японки Эйко-сан, американского офицера Маккелроя, освобожденного из японского плена советскими войсками и уже в Японии «поставленного» к советским гражданам, совершающим путешествие по югу страны. Колоритно выписаны сын Чан Кайши, когда-то учившийся в нашей стране, Цзян Цзинго и третья жена Чан Кайши — госпожа Сун Мэйлин, играющие немаловажную роль в осуществлении всей политики своего отца и мужа.

Единственное замечание, которое я считаю необходимым сделать: преувеличенное восприятие автором тех разрушений, которые принесла японским городам (кроме Хиросимы и Нагасаки) американская авиация. Писательница, очевидно, не видела ни Сталинграда, ни Варшавы, ни десятков других городов, разбитых войной. Поэтому пепелища в отдельных районах Токио ей показались страшными. А мы, советские литераторы, обмахивавшие в начале 1946 года всю Японию, думали о том, что американцы щадили Японию. Так оно и было.

Но это частность. Хорошо написанная повесть особенно важна и в политическом плане. Она обвиняет политиков и правителей некоторых стран, тех, кто мечтает с помощью оружия владеть миром.

Леонид КУДРЕВАТЫХ

Мария Колесникова, «Гадание на иероглифах», Повесть. №№ 11, 12, 1980.